

Граф Людвиг Август Меллин – друг крестьян и эстофил

Индрек Юрьо

Портрет графа Людвига Августа Меллина. По картине Йоханна Герлинга (1825). Исторический архив, ф. 1388, № 1, с. 1211.

Уже в 1869 г. либеральный журналист и историк прибалтийский немец Юлиус Эккардт, который первым начал систематическое изучение эпохи просвещения в Балтийских провинциях, писал в сборнике эссе, посвященном забытым фигурам истории культуры Прибалтики: «Одна из достойнейших и привлекательнейших фигур просвещения в Лифляндии – граф Людвиг Август Меллин, человек, чье имя непосредственно связано со всеми важнейшими преобразованиями, происходившими в нашей стране в начале XIX века, и который был при этом забыт гораздо быстрее, чем он того заслуживал или чем его современники сочли бы это возможным. Вряд ли какой другой патриот Лифляндии оставил после себя такое количество письменных свидетельств своей жизни и деятельности, как он. Богатые материалы о его жизни и современниках давно ждут своего часа, и если кто-то захочет поработать над их сбором и обработкой, тот мог бы без особых усилий создать картину одной из интереснейших глав новейшей истории нашей земли».¹

С обоими утверждениями следует согласиться и сегодня. Богатое наследие графа Меллина по-прежнему разбросано по библиотечным отделам редких книг в виде журнальных и газетных статей или хранится в рукописях во многих архивах и хранилищах (в Латвийском государственном историческом архиве и в отделе рукописей Латвийской академической библиотеки в Риге, в Эстонском историческом архиве и в архиве Истории культуры Эстонского литературного музея в Тарту, в архиве Исторического музея в Таллинне и в депонированном в Марбурге архиве ливонского рыцарства Гессенского государственного архива). Активный масон, Меллин был склонен к самосозерцанию, результатами которого были философские рукописные тексты и несколько версий автобиографии.

Меллин сегодня не забыт полностью, но внимание исследователей привлекает в основном его атлас Лифляндии и Эстонии. Атлас Меллина, хронологически располагающийся между старинными декоративными картами и основанной на тригонометрических изме-

¹ J. Eckardt. Die baltischen Provinzen Rußlands. Politische und culturgeschichtliche Aufsätze. Zweite, vermehrte Auflage. Leipzig, 1869, s. 271.

рениях картографией, как документ рубежа XVIII–XIX веков, широко известен прибалтийским историкам.² При этом всегда упоминаются, а иногда немного и описываются, его доброжелательные в отношении крестьян взгляды и соответствующая деятельность среди ливонского рыцарства. Однако до сих пор историкам не удалось создать целостного портрета личности Меллина – гуманиста, видной фигуры своей эпохи.

Граф Людвиг Август Меллин родился 23 января 1754 г. на мызе своего отца Тухала в Харьюмаа. Полученное им домашнее образование, во многом зависевшее от наличия и уровня образованности домашних учителей, было типичным для молодых дворян того времени. Юному Людвигу Августу повезло: учителем графских детей стал кандидат теологии Беренд Йоханн Кампманн, который давал им интенсивное и систематическое домашнее образование. Как позже писал Меллин в автобиографии, он уже в двенадцать лет говорил на латыни и делал успехи в высшей математике. Французский язык он выучил «играючи», ему обучал Франсуа Клод Ксавье Монтаньон, человек с пестрой судьбой, во время Семилетней войны перебежавший от французов в прусскую армию, а затем попавший в русский плен. Военнопленного доставили в Ревель, где отец Меллина взял его гувернером к своим детям. Отметим в качестве курьеза, что Монтаньон, будучи неграмотным, обучил детей только разговорному французскому, грамматику же им преподавал Кампманн.³

В 1767 г. в жизни 13-летнего дворянского отпрыска произошел неожиданный поворот – императрица Екатерина II назначила юного Меллина сопровождать таких же юных Гольштейн-Готторпских принцев Вильгельма Августа и Петра Фридриха Людвиг в их многолетнем образовательном путешествии по Европе. Перед талантливым и любозна-

тельным юношей открылись невиданные возможности для самообразования. Вместе с Гольштейнскими принцами, с которыми Меллин быстро сдружился, он путешествовал через Германию, Швейцарию и Францию в Италию, чтобы посвятить себя учению в Болонье. В течение долгого путешествия, которое он подробно описывает в своей автобиографии, Меллин взглянул другими глазами и на свою родину. Об односторонней идеализации Западной Европы и почти что комплексе неполноценности в отношении Лифляндии свидетельствует интересное наблюдение, сделанное им во франкоязычной Швейцарии, на берегу Женевского озера. Это наблюдение оценивает жизнь ливонского крестьянства в общеевропейском контексте:

«Я представлял каждого французского крестьянина таким же элегантным и богатым, как помещик в Лифляндии, но вместо этого видел в деревнях, в основном, жалкие грязные жилища и жалких людей в обносках, которые повсюду выпрашивали деньги у путешественников и долго преследовали их, стуча деревянными башмаками. Все эти человеческие типы и поведение крестьян так удручали меня, что я часто вспоминал своего отца, который, когда иностранцы презирали Лифляндию, но почему-то не уезжали, говаривал: *On a beau mentir de loin*, будем довольны нашей Лифляндией!»⁴

По окончании путешествия и учебы в 1773 г. Меллин вступил на военную службу. В следующем году он участвовал в военном походе против турок, с 1775 г. служил в чертежной конторе (Generalfeldzeugmeister) генерала Бауэра, где приобрел навыки, которые пригодились ему в дальнейшем при составлении атласа. В 1783 г. Меллин ушел в отставку. Центром его жизни стала теперь Рига, попеременно с пригородной мызой Бирини (Колцен). Провинциальный политик Меллин занимал важные посты в балтийском

² См. E. Varep. L. A. Mellini Liivimaa atlas ning selle tähtsus Eesti NSV territooriumi geograafilise uurimise ajaloos. – Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised, т. IV, № 2, Tallinn, 1955, lk. 300–316; E. Varep. Count L. A. Mellin and his «Atlas of Livonia». – Publications on Geography IV (Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, Heft 156), Tartu, 1964, p. 106–131; Der Atlas von Livland des Ludwig August Graf Mellin. Mit einer Einführung Lüneburg, 1972.

³ Latvijas Akademiska Biblioteka, отдел редких книг и рукописей (далее LAB), Ms. 458, Selbstbiographie von л. A. Graf Mellin, с. 5–8.

⁴ Там же, с. 24.

landesstaat-e: в 1783–86 гг. он был в Риге земским исправником и судьей, будучи земским советником Лифляндии. В 1797–1818 гг. Меллин активно участвовал в проведении аграрных реформ начала XIX века, вместе с лифляндским генерал-суперинтендантом Карлом Готтлибом Зоннтагом в 1796–1831 гг. руководил в качестве светского председателя и директора Верховной консисторией Лифляндии. Умер Меллин в возрасте 81 года 12 марта 1835 г. в Риге.

Этот активный и успешный человек по характеру был скромн, чужд всяческого кокетства, почти боязлив, большому обществу он предпочитал общение с кругом близких друзей или одинокие прогулки на природе. Сам Меллин в кратком обзоре «Мой характер, каким он мне представляется», составленном по масонскому плану, писал, что любит проводить время в общении с искусством и наукой, в занятиях математикой, рисованием, садоводством и проч., воздерживаясь от «шумных развлечений» и охоты, склоняясь скорее к меланхолическим размышлениям.⁵

Теплое отношение Меллина к эстонским и латышским крестьянам сформировалось под влиянием его отца Карла Йоханна фон Меллина. Он был первым помещиком в прибалтийских провинциях, который в середине XVIII века дал крестьянам своей мызы Тухала частное право.⁶ По поводу последствий этого шага Меллин в своей автобиографии

пишет несколько преувеличенно, что, в сравнении с другими эстонскими крестьянами, «тухалаские крестьяне по своей нравственности, зажиточности и образованности опережают других на сто лет [...]».⁷ Отец Меллина примерно на 10 лет опередил известного в аграрной истории Лифляндии ландрата Карла Фридриха фон Шульц-Ашерадена, издавшего в 1764 г. на своих мызах первое крестьянское право на латышском языке. Дворянство поначалу осудило его нововведения,⁸ но позже аналогичные права были введены на многих мызах прибалтийских провинций.

О преобразованиях Карла Йоханна фон Меллина известно немного, но поскольку Меллин неоднократно подчеркивал их прибыльность для владельцев Тухала, можно предположить, что права в какой-то мере регулировали экономические отношения помещика и крестьян и мотивировали крестьян работать лучше. Позже и Людвиг Август фон Меллин за свой счет построил для крестьян своих имений Бирини и Эйкажи магазин и напечатал правила ведения магазина и кассы, которыми крестьянам гарантировалась помощь в случае неурожая и точно определялись отношения с помещиками. Эти частные преобразования Меллина на несколько лет опередили аграрную реформу в Лифляндии в 1804 г. Видимо, его крестьяне были довольны своим положением: если верить

⁵ «С детства мне нравилось бывать у развалин и в уединенных местах, и я испытывал смешанное с грустью удовольствие от жутковатых видов» – LAB, Ms. 378, л. 12.

⁶ К сожалению, единственным источником здесь служит автобиография графа Л. А. Меллина, в которой он описывает произведенные его отцом преобразования без подробностей: «Он уже давно провел в Тухала некоторые преобразования (Einrichtungen und Verhältnisse), которые позже вызвали столько криков и споров. Я помню, он часто говорил: «лучше мы добровольно дадим нашим кормильцам крестьянам те права и послабления, которые мы когда-нибудь будем вынуждены им дать. Помните обо мне, дети! Когда-нибудь настанет время, когда это произойдет или придется усомниться в справедливости Бога». На этих принципах строилось все его хозяйство, и в результате на его маленькой мызе крестьяне были образованны и зажиточны, самому отцу не приходилось скряжничать при содержании своего многочисленного семейства и в хозяйстве, а после его смерти осталось свободное от долгов владение и существенное количество наличных денег». (LAB, Ms. 458, Selbstbiographie von л. А. Graf Mellin, с. 1–2) В своей книге «Noch Einiges über die Bauernangelegenheiten in Liefeland» (Riga, 1824, с. 10) Меллин пишет, что его отец ввел на мызе крестьянский суд (ein Bauergericht). Подробнее об этом См. А. Traat. Vallakohus Eestis 18. sajandi keskpaigast kuni 1866. aasta reformini. Tallinn, 1980, lk. 16–21.

⁷ Des Grafen August Ludwig Mellin Selbstbiographie. (Sonderdruck aus dem «Rigaer Tageblatt»), 1897, s. 20–21. Напротив, Август Траат указывает в своей монографии, что обстановка на мызе Тухала все же не была столь идеальна, поскольку и там случались побеги крестьян. – А. Таат. Vallakohus Eestis..., lk. 21.

⁸ Des Grafen August Ludwig Mellin Selbstbiographie..., s. 31–32.

автобиографии Меллина, в 1800 г. они даже просили его сделать эскиз монумента, который они хотели установить в Бирини своему мызнику. Растроганный граф попросил крестьян дожидаться его смерти.⁹ Хорошие отношения с крестьянами стали для Меллина, как и для его отца, экономически очень выгодными.¹⁰ Забегая вперед, скажем, что, хотя большую часть своей жизни Меллин провел в латвийской части Лифляндии, особую симпатию он питал к эстонскому народу; говорить по-латышски он так никогда толком и не научился.¹¹

Будучи сам человеком очень работающим и деятельным – свой знаменитый атлас он составил за 14 лет в свободное от должностных занятий время, – Меллин испытывал большое уважение к крестьянам, «нашим кормильцам», как он часто называл их в своих произведениях и письмах. Это уважительное отношение вступало в противоречие с характерным для многих остзейских немцев презрением к эстонцам и латышам. Через печатные и рукописные произведения Меллина красной нитью проходит полемика с воображаемым

оппонентом, воззрения которого он образно подытожил в письме к Карлу Эдуарду Наперскому 28 апреля 1831 г.: «Мое теплое отношение к нашим кормильцам стоило мне многих неприятностей, и все-таки мои ранние преобразования, за которые на меня так резко нападали, все вошли в крестьянское право. Дворяне, якобы, должны угнетать крестьян! Я все еще не могу признать верным принцип, по которому права, которые (как говорят) наши предки завоевали своей кровью, являются поэтому справедливыми и необходимыми. Мой последний благотворительный дар своим крестьянам во имя развития религиозности и трудолюбия поставили мне в вину и сочли его даже вредным. Говорят, что эта цель с такими канальями (bey den Canaillen Pack) лучше достигается при помощи палки и батога».¹²

Меллин активно включился и в борьбу за новый аграрный закон и поддержал возглавляемую ландратом Фридрихом Вильгельмом фон Сиверсом реформистскую партию.¹³ Став по настоятельной рекомендации императора Александра I в 1814 г. членом комитета по крестьянским делам, Меллин

⁹ Des Grafen August Ludwig Mellin Selbstbiographie..., s. 31–32.

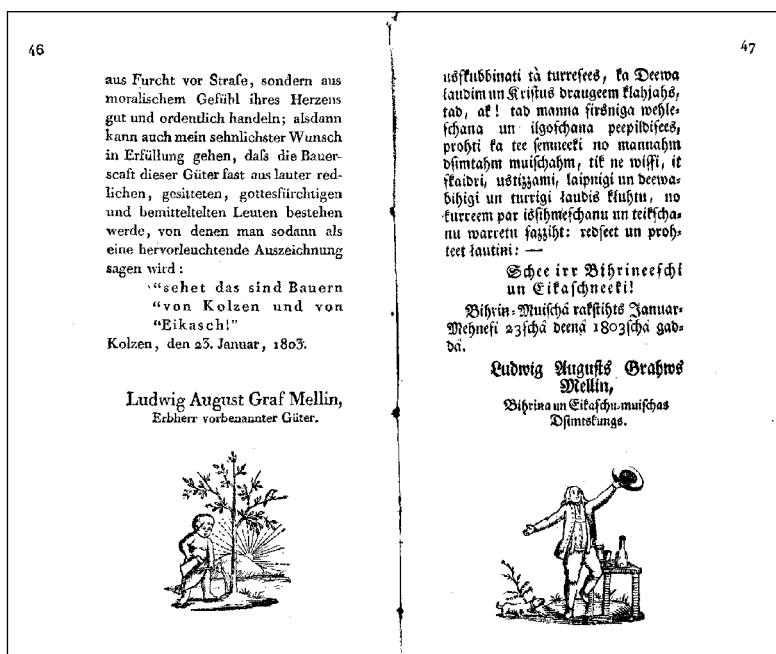
¹⁰ «Воспитанный на справедливых принципах своего отца, я хозяйствовал таким же образом в Бирини, жил сам и давал жить другим и зачастую вызывал презрительные замечания других крупных хозяев (großer Wirthe), что я со своим хозяйствованием не разбогатею. Но жизнь показывает, что крупные хозяева обанкрочиваются один за другим и разоряют и своих кредиторов. А я все еще живу, не пользуясь помощью системы кредитования, без долгов, коплю капитал, строю, любим своими крестьянами, у меня чистая совесть и, несмотря на все эти поразительные беды (1812), держусь на поверхности, хотя и потерял некоторые суммы из-за банкротств так называемых великих экономов». LAB, Ms. 458, с. 82–83 (рукописная автобиография графа Л. А. Меллина).

¹¹ Пастор Карл Эмануэль Пегуа, знавший его многие годы, характеризует лингвистические познания Меллина: «Из языков, кроме обоих его родных языков – немецкого и эстонского, он говорит очень свободно по-французски и итальянски, довольно хорошо по-русски, немного по-польски и молдавски. [...] Поскольку в Лифляндии у него были большие земельные владения, он стал даже приходским судьей, поэтому ему пришлось учить латышский язык, но здесь он не очень преуспел. Он говорил, что его старая голова не воспринимает его, и предпочитал беседовать со своими крестьянами на русском, который немного понимают почти все крестьяне в окрестностях Риги. Мызные слуги же почти все говорили по-немецки». LAB, Ms. 459 (Biographie von Ludwig August Graf Mellin entworfen von Carl Emanuel Pegau), страницы не пронумерованы.

¹² LAB, Ms. 458.

¹³ Эту борьбу и интриги одного из лидеров консервативного крыла лифляндского дворянства Фридриха Вильгельма Таубе фон дер Иссена Меллин описывает в своей рукописной автобиографии. Там он создает такую картину событий в ландтаге в 1803 г.: «Этот ландтаг длился более 6 недель. Туда явились и стали массово выступать люди, которые обычно пренебрегали ландтагом, а спокойно покуривали дома трубку и все критиковали. Встречались здесь невероятные личности и выступления. Странники насильственного обращения с крестьянами делали все, чтобы провалить крестьянскую директиву. Не боялись затрат, прямых и окольных методов, под предводительством вышеназванного ландрата фон Таубе, который сам очень редко являлся в ландтаг, проводились секретные собрания (Conventicles). Но, как часто бывает в трудные времена, больше, чем думали, оказалось патриотов и доброжелательных людей, которые сплотились, смело отбивали все атаки, а во главе их неколебимым дубом стоял ландрат фон Сиверс». (LAB, Ms. 458, с. 91–92). Замечательно, что эти аспекты внутренней борьбы рыцарства полностью отсутствуют в изданной Хейнрихом Дидериксом автобиографии Меллина.

Последняя
страница частного
права Л.А. Меллина.

вошел в прямой конфликт с лифляндским рыцарством. Он протестовал против попытки консервативных помещиков свалить расходы по строительству дорог и прочим общественным работам на крестьян и, подав соответствующую жалобу генерал-губернатору, добился успеха. Тем, что по делам крестьянства Меллин апеллировал к Петербургу, минуя ландтаг, он приобрел себе среди рыцарства столько врагов, что в 1818 г. вынужден был сложить с себя обязанности ландрата.¹⁴

Меллин приветствовал отмену крепостного права в Лифляндии в 1819 г., благодаря которой крестьяне получили личную свободу. Но реформа поставила крестьян в невыгодное положение: отношения мизников и крестьян определялись формулой «моя

земля, твое время», поэтому Меллин относился к освобождению крестьян без земли скептически.¹⁵ В опубликованной в 1824 г. брошюре «Еще кое-что о крестьянских делах в Лифляндии», в которой он между прочим обвиняет своих противников в подделке документов, Меллин подчеркивает, что с освобождением крестьянин скорее проигрывает экономически, и отмечает, что и его собственные, и чужие крестьяне настоятельно просили его, чтобы «по возможности все оставалось по прежнему крестьянскому праву 1804 г., когда землевладение им и их детям было обеспечено».¹⁶

Исторический парадокс заключается в том, что Гарлиб Меркель, который в 1796 г. в вышедшем в Лейпциге памфлете «Латыши»

¹⁴ Это отрицание принципа балтийской автономии уже много лет спустя ставил в вину Меллину апологет балтийских немцев историк Александр фон Тобиен (*Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. Bd. I. Die Bauerverordnungen von 1804 und 1819.* Berlin, 1899, с. 263–265). Сам Меллин описывает свою роль в подготовке аграрной реформы и конфликт с ливонским рыцарством в опубликованной в Германии анонимной статье «Einiges über die Bauer-Angelegenheiten in Liefland» (*Isis*, 1822, ст. 1145–1151).

¹⁵ В своих рукописных замечаниях по поводу произведения Франсуа Габриэля де Брея «*Essai critique sur l'histoire de la Livonie*» Меллин пишет об этом: «Крестьянский закон 1814 г. обеспечил крестьянам и их потомкам право на землевладение. По закону 1819 г. крестьяне получили личную свободу, но потеряли всякое право на земельную собственность. Опыт покажет, какую это принесет пользу. Некоторые помещики заключили со своими крестьянами арендные договоры на долгие годы». Латвийский государственный исторический архив (далее LVVA), ф. 4038, оп. 2, д. 274, л. 34.

¹⁶ L. A. Mellin, *Noch Einiges...*, s. 85.

перед всей германской общественностью пригвоздил ливонское рыцарство к позорному столбу, в книге 1820 г. «Свободные латыши и эстонцы» выступил односторонним хвалителем Александра I. Реальных социальных последствий реформы, которая поставила крестьян в зависимость от произвола помещиков, Меркель осознать не смог. Зато Меллин в своей брошюре критиковал недостатки реформы по-деловому и без лишних эмоций, разоблачая корыстолюбие мызников. Вследствие этого губернское правление запретило распространение его книги.¹⁷

Реформаторская активность Меллина, естественно, имела границы. Будучи дворянином и человеком своего века, он никогда не ставил под сомнение сословную структуру прибалтийского общества. Но Меллин связывал социальные преимущества дворянства с трудолюбием, а к высокомерным и праздным дворянам относился с презрением.

В сословном обществе Лифляндии Меллину приходилось мириться и с существованием крепостного права и с сопутствующей ему торговлей людьми. В подобных случаях он, как, вероятно, и другие более нравственные представители остзейского дворянства, старался обращаться с крестьянами по возможности гуманно и заботился об их дальнейшей судьбе. Об этом свидетельствует письмо, написанное Меллином 6 марта 1799 г. своему кузену, владельцу мызы Рутиквере Отто Фридриху фон Пистолькорсу, которого он считал своим единомышленником: «Я как раз должен распорядиться отправить тех нескольких человек, которых Вы купили в Яановском пасторате.¹⁸ Эти бедные люди говорят, что Вас считают хорошим баринном; но, с другой стороны, каждый человек чувствует от рождения привязанность к тому

краю, где он родился, где его клочок земли и где он надеялся жить и умереть. Наш образ мыслей по этому вопросу известен нам обоим. Поскольку у нас торговля людьми и животными – обычное дело, мы смиряемся с обстоятельствами, но мы отличаем человека от животного, что не всегда характерно для тех, кто с большей радостью украшает себя титулом, ленточкой и звездой. Поскольку я могу разговаривать с этими людьми по-эстонски, я их утешал. Поначалу казалось, что они мне не доверяют, но в доверительной беседе их душа вскоре раскрылась, так что все мы были растроганы. Вы, дорогой кузен, с Вашей известной снисходительностью сумеете смягчить нынешнее положение этим новым колонистам, которые, в отличие от других колонистов, покидают свою родину не добровольно. Ваше благородное сердце для меня залог, что Вы это сделаете. И меня эта мысль успокаивает, потому что эти люди показали себя здесь с лучшей стороны».¹⁹

Но в критической ситуации Меллин мог быть с крестьянами достаточно суров, как показывает его письмо от 12 июля 1812 г. гражданскому губернатору Лифляндии Дю Гамелю.²⁰ Он описывает начавшиеся после наполеоновского похода на Россию крестьянские волнения и отмечает при этом: «Если так пойдет дальше, то этот внутренний враг опаснее, чем внешний». Меллин считает, что эту «неотесанную банду» можно убедить «лишь телесным наказанием», и предлагает гражданскому губернатору в случае «угрожающей опасности» выслать небольшой, человек в 40-50, казачий отряд. Из приписки к письму следует, что причиной беспорядков стали слухи об освобождении крестьян, которое придет вместе с французскими войсками.²¹

¹⁷ Allgemeines Kurländisches Amts- und Intelligenz-Blatt. Nr. 10, 3 февраля 1825.

¹⁸ Точное название пастората на основании письма Меллина установить невозможно. Пасторатов с упомянутым в немецком оригинале названием – Johannis Pastorate – много. Вероятно, это либо пасторат Сууре-Яани, либо Колга-Яани, находившиеся недалеко от мызы О. Ф. фон Пистолькорса.

¹⁹ ИАЭ ф. 2471, оп. 1, д. 115, л. 16–17.

²⁰ LVVA ф. 3, оп. 4, д. 580, л. 4.

²¹ «Есть слухи, будто в Курляндии евреи и другие люди распространяют среди крестьян напечатанное на латышском языке воззвание, в котором французы обещают им свободу, если те их поддержат, говорят, что в Лифляндии тут и там видели этих людей. Не следует ли призвать пасторов предостеречь своих людей в церкви от ошибочных мыслей». Там же.

Кроме Меллина были и другие остзейские помещики, которые, кто из христианско-гернгутерских, кто из гуманно-просветительских соображений, вступали с крестьянами в патриархальные отношения и обращались с ними, по понятиям своего времени, хорошо. Но Меллин помимо этого придавал большое значение национальным проблемам эстонских и латышских крестьян, их языку и культуре. При этом он предпочитал эстонцев, которых он считал более сильной и твердой характером нацией, чем латыши. Хотя Меллин имел достаточно четкие и целостные взгляды на эстонский народ, но он нигде не высказывал их систематично; они разбросаны по кратким статьям и рукописным заметкам. В некоторых статьях, опубликованных еще в конце XVIII века, Меллин неоднократно высказывал взгляды, опережавшие воззрения остзейских эстофилов начала XIX столетия.

Меллин испытывал большой интерес к древнейшим временам Прибалтики, его можно даже назвать первым балтийским археологом. Во время картографических измерений он неоднократно наткнулся на развалины доисторических городищ, которым он посвятил две статьи в журналах Хупеля «*Nordische Miscellaneen*» и «*Neue Nordische Miscellaneen*». В первой статье он описывает земляное городище Варбола, которое он измерил.²² Во второй, еще более объемной статье «Сообщение о старой латышской крепости Пиллискальн и о многих прежних укреплениях латышей и эстонцев; и о некоторых других достопримечательностях Лифляндии и Эстляндии»²³, Меллин, основываясь на полученных от пасторов (Фридрих Вильгельм фон Вильман в Карья, Якоб Хейнрих Шлепегрелл в Коэру, Йоханн Фридрих Гланстрем в Михкли и Карл Конрад Раух в Виру-Яагупи) сведениях, кратко описывает земляные укрепления

Сааремаа и Эстонии и прочие памятники.

При этом он не ограничивается внешним описанием руин, но делает и многочисленные исторические выводы. Он восхищается храбростью древних эстов и считает ее доказательством хорошо построенные древние крепости. Рудименты свободолюбия языческой эпохи Меллин видит в характере современных крепостных эстонцев: «Так, видно, что эсты, особенно в сравнении с латышами, были лучше организованным, храбрым, деятельным и заботящимся о своей безопасности народом; поэтому трудно было отнять у них их свободу. Они могли усложнять жизнь своим соседям, боязливым латышам, и заложить тем самым основы замечаемой и сегодня ненависти между двумя народами, хотя оба сегодня покорены одной судьбе. До сих пор еще в эстонцах заметно больше храбрости, также больше видится в них уверенности в себе: поэтому они не так просто терпят обиды, что совершенно несправедливо объясняется злобой (*eine Tücke*). Поэтому было бы правильно не уничтожать остатки такого благородного чувства, но относиться к ним [эстонцам – *И. Ю.*] так же справедливо, как к другим народам».²⁴

Примерно в это же время Меллин развивает свои взгляды на национальный характер эстонцев. В книге умеренного ливонского просветителя Вильгельма Христиана Фрибе (который не скрывает своего презрения к «растительной» или «животной» жизни эстонцев и латышей) «Физико-экономические и статистические заметки о Лифляндии и Эстляндии» приводится большая цитата из Меллина с совершенно другими мыслями об эстонцах. Меллин говорит, что уже ребенком заметил «несколько грубоватые (*etwas rohen*), но почти в стиле Гомера и Оссиана» народные песни эстонцев, но потом ему уже не удавалось, (видимо, из-за недоверия эстонцев к взрослому немцу) слушать и

²² L. A. Mellin, Nähere Beschreibung der alten ehstnischen Burg Warbola. – *Nordische Miscellaneen*. St. XV–XVII, (1788), s. 735–743.

²³ L. A. Mellin, Nachricht von der alten lettischen Burg Pilliskaln, und von mehreren ehemaligen festen Plätzen der Letten und Ehsten; auch von etlichen andern lief- und ehstländischen Merkwürdigkeiten. – *Neue Nordische Miscellaneen*. St. IX–X, (1794), s. 519–549.

²⁴ *Nordische Miscellaneen*. St. XV–XVII, (1788), s. 742–743.

записывать эти песни.²⁵ Ход его мысли, объясняющий народную культуру и язык эстонцев как сознательный способ национального самосохранения, явно отличается от традиционных взглядов просветителей: «Вообще, если проследить за этим народом, становится понятно, что эстонцы делают большой упор на самих себя и на свой язык. При помощи песен и традиций они пытаются сохранить определенную национальную историю».²⁶ Хотя Меллин необоснованно и спекулятивно проводит резкую грань между эстонцами Эстляндии, которых он знает лично, и «изможденными и приземленными» лифляндскими и сааремааскими эстонцами, он дает пророческую оценку будущего эстонцев: «Но эстонцев Таллинской земли, которых я хорошо знаю, я считаю в общем достойным народом, который тихо хранит в груди храбрость и благородное самоуважение и поэтому когда-нибудь сможет играть совсем не такую роль, как сейчас! – Это время наступит, наконец, и здесь».²⁷

Меллин, в принципе, осуждает крестьянские волнения, но, несмотря на это, крестьянское восстание в Козе-Ууэмыйза в 1805 г. скорее повысило его уважение к эстонским крестьянам. В письме к местному пастору Готтфриду Вильгельму Штридтеру 6 ноября 1805 г., в котором он просит сведений об этом восстании, он даже называет эстонцев «мощной нацией» (*eine Kraftnation*).²⁸

Подобные идеи – не в духе своего времени – которые граф, вероятно, высказывал и в частных беседах, заслуживали одобрения очень немногих современников. Широкая общественность начала размышлять о будущем эстонцев и латышей лишь после отмены крепостного права в 1816–1819 гг., когда Курляндское общество литературы и искусства инициировало так называемые дебаты об онемечивании.

Хотя отмена крепостного права поначалу не привела к заметным положительным социально-экономическим изменениям в жизни крестьянства, она стала все же началом новой эпохи в прибалтийских провинциях, поскольку вместе с крепостным правом исчезла и важнейшая правовая стена между немецким и остальным населением. До сих пор онемечивание поднявшихся по общественной лестнице эстонцев и латышей не становилось проблемой, оно было почти естественным процессом, длившимся веками с начала покорения Прибалтики. Как подчеркивает Рейнхард Виттрам, в глазах современников еще в XIX веке онемечивание выглядело не «сменой национальности», а «изменением образа жизни».²⁹ Такие случаи были известны и Меллину, так что он даже типологизирует социальные карьеры онемечившихся латышей и эстонцев: «Несмотря на гнет, под которым живут крестьяне, нередки примеры, когда они высоко поднимаются при помощи

²⁵ К той же теме Меллин обращается в 1822 г. в рукописных замечаниях по поводу исторического произведения де Брея: «Но еще сохраняются, особенно у эстонцев, народные легенды и песни, связанные с их древнейшей историей, например, о борьбе: старики с белыми бородами, которые дают советы и руководят людьми, умирающие герои, кони с развевающимися гривами и т.д. Мальчиком, с которым никто не считал нужным соблюдать осторожность, я порой слушал такие рассказы и песни, исполняемые словно бы речитативом, на которые я тогда обращал мало внимания. Позже я бы с радостью снова послушал такие саги, но люди замыкались, и я не мог добиться своей цели». LVVA ф. 4038, оп. 2, д. 274, л. 3.

²⁶ W. Chr. Friebe. Physisch-ökonomische und statistische Bemerkungen von Lief- und Ehtland oder von den beiden Statthalterschaften Riga und Reval. Riga, 1794, s. 285.

²⁷ Там же, с. 286.

²⁸ «Мой кузен, Отто Фридрих фон Пистолькорс, видимо, сам не был точно обо всем информирован, но все же понял из этого обрывочного рассказа, что при всем беспокойстве крестьяне все же сохраняли определенный порядок и благородство. Эти обстоятельства усиливают мое любопытство и подтверждают мое мнение о наших эстонцах, что они сильный и способный народ, достойный лучшей судьбы, но это понимают лишь немногие, а большинство не желает ничего понимать или же искажает [действительность]. – Эстонский исторический музей (далее Eesti Ajaloomuuseum), ф. 50, оп. 1, д. 211 (Записная книжка графа Л. А. фон Меллина в имени Бирини, 1801–1806 гг.).

²⁹ R. Wittram. Das Nationale als europäisches Problem. Beiträge zur Geschichte des Nationalitätsprinzips vornehmlich im 19. Jahrhundert. Göttingen, 1954, s. 156.

силы собственного духа. При этом отмечают, что в таких случаях латыши выбирают скорее торговлю или другую торговую деятельность (was aufs Erwerben geht), зато среди эстонцев находятся многие, кто достигает успеха в области науки и духа и выделяется на военной и гражданской службе. Однако от примеров воздержимся, чтобы не задевать скромности еще живущих людей или их детей». ³⁰

Большинство просветителей не видели отдельной ценности в национальности крестьян, их критика была направлена прежде всего против крепостного права и его негативных экономических, социальных и моральных последствий. Карл Филип Михаэль Снелл и Йоханн Кристоф Петри рассматривали сохранение эстонского и латышского языков как еще одно преступление прибалтийских немцев против местных народов: незнание других языков должно было помешать крестьянам бежать и еще крепче привязать их к земле. ³¹ Кроме того, различие языков якобы усиливало чувство превосходства немцев по отношению к иноязычным крестьянам. Меркель в своих «Латышах» нападает не только на крепостное право, но обвиняет остзейское дворянство в препятствовании историческому развитию латышской (а опосредованно и эстонской) нации, втискивании ее в тесные рамки одного сословия. Но отношение Меркеля к национальному вопросу было непоследовательным, по своему мировоззрению

он скорее принадлежит к космополитам-рационалистам Просвещения XVIII века. ³²

У участников начатых Курляндским обществом литературы и искусства дебатов об онемечивании латышей и эстонцев ³³ можно выделить несколько позиций. В речи пастора Адама Конрада, которую он закончил призывом «Больше ни одного латыша!», чувствуются отзвуки немецкого национального воодушевления периода антинаполеоновских войн, которое постепенно проникало и в общество прибалтийских провинций, традиционно консервативное и жестко сословное. В тексте Конрада звучат первые ноты озабоченности сохранением «немецкого духа» остзейских провинций, но и он в основном использует просветительскую и рационалистическую аргументацию: онемечивание дает латышам и эстонцам лучшие возможности для приобретения образования и социального подъема, а также якобы повышает общий культурный уровень обоих народов. Но Конрад остался в меньшинстве, большинство участников дискуссии отнеслись к онемечиванию отрицательно. Многие мнения были проникнуты гердеровским национальным романтизмом, придававшим большое значение каждому народу и языку и подчеркивавшим необходимость развития языка и национальной культуры. Особенно четко эти взгляды высказывает известный эстофил, пярнуский

³⁰ L. A. Mellin. Noch Einiges..., s. 9–10.

³¹ «Проще было бы постепенно ввести по всей стране немецкий язык, как это было сделано в Пруссии, где изначальный местный язык полностью вытеснен немецким языком. Но я думаю, что у христианских покорителей Лифляндии и Эстонии было добродетельное намерение так сильно пленить народ тенетами рабства, чтобы они не знали ничего, кроме этого». K. Ph. M. Snell. Beschreibung der russischen Provinzen an der Ostsee. Jena, 1794, s. 164; почти дословно вторит Шнеллю и Ю.Хр. Петри: J. Chr. Petri. Ehistland und die Ehsten oder historisch-geographisch-statistisches Gemälde von Ehistland. Gotha, 1802, т. 1, s. 148.

³² См. новейшее, комментированное издание главного произведения Меркеля: G. H. Merkel. Die Letten vorzüglich in Liefland am Ende des philosophischen Jahrhunderts. Ein Beitrag zur Völker- und Menschenkunde. Nach der Ausgabe Leipzig 1796 herausgegeben, mit einem Stellenkommentar und einem Nachwort versehen von Thomas Taterka. Wedemark, 1998; о Меркеле см. J. Heeg. Garlieb Merkel als Kritiker der livländischen Ständegesellschaft. Zur politischen Publizistik der napoleonischen Zeit in den Ostseeprovinzen Rußlands. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien, 1996.

³³ Jahresverhandlungen der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. kd. 1, Mitau, 1819, lk. 87–91; kd. 2, Mitau, 1822, lk. 15–24; подробнее о дискуссии об онемечивании в остзейском обществе см. H. Thimme. Kirche und nationale Frage in Livland während der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Der Pastor und Generalsuperintendent Ferdinand Walter und seine Zeit. Königsberg, Berlin, 1938, s. 51–81; H. Garve. Konfession und Nationalität. Ein Beitrag zum Verhältnis von Kirche und Gesellschaft in Livland im 19. Jahrhundert. Marburg a.d.L., 1978, s. 95–105; I. Jürjo. Das nationale Erwachen der Esten im 19. Jahrhundert – ein Verdienst der deutschbaltischen Aufklärung? Nordost-Archiv, kd. IV/1995, v. 2, s. 422–424.

Рисунки из записок Л. А. Меллина.

хищается достоинствами эстонского языка.

Примерно в это же время Меллин пытался сотрудничать с другим «человеком мира», графом Франсуа Габриэлем де Бреем (1765–1832), французом на баварской дипломатической службе. Женившись на даме, принадлежавшей к остзейскому дворянству, де Брей близко узнал прибалтийские провинции и в 1817 г. опубликовал труд по истории Лифляндии «*Essai critique sur l'histoire de la Livonie*». В исторической части произведения он вступил в критическую дискуссию о просвещении Лифляндии с антиисторическими писаниями Меркеля; вторая часть труда посвящена описанию современного положения Лифляндии и содержит интересные замечания стороннего наблюдателя.³⁸

Де Брей собирался выпустить новое, исправленное издание своей книги и просил Меллина ее откорректировать и дополнить. В 1822 г. Меллин отправил ему замечания.³⁹ Поскольку планы переиздать книгу не осуществились, Меллин передал свои еще раз переработанные замечания Рижской городской библиотеке.⁴⁰

Меллин не ставит под сомнение историческую концепцию де Брея, которая, не будучиотягощена антикатолическими настроениями существующей ливонской историографии, объективно и взвешенно оценивала средневековье в Ливонии, но в некоторых замечаниях Меллина чувствуется характерная для просветителей ненависть к крестителям Ливонии. Он принципиально оспаривает историческую ле-

гитимность верховной власти остзейских немцев в прибалтийских провинциях: «Молодое поколение все лучше понимает, что владение рабами – несчастными человеко-людьми – не может быть привилегией дворян, привилегией, которую, по особо патриотичному выражению, наши предки завоевали своей кровью. Боже милостивый?!!»⁴¹

Основные дополнения Меллина касаются современной части эссе. Он основательно описывает обычаи и народную культуру эстонских крестьян, с которыми он, в отличие от де Брея, был знаком непосредственно. Многие его замечания, несомненно, ценны с точки зрения истории культуры. Здесь на пользу пошло увлечение Меллина музыкой. Все в семье Меллина любили музыку, и он знал ее с детства. В Италии он учился у лучших композиторов, позже и сам писал музыку,⁴² поэтому его привлекали народные песни и танцы эстонцев и латышей. Некоторые песни Меллин приводит в своих заметках с нотами и подробно описывает музыкальные инструменты крестьян. Кроме того, он в деталях и с явной симпатией рассматривает свадебные обряды эстонцев.

Меллин не только фиксирует настоящее положение народной культуры, но и замечает медленный, но постоянный процесс окультуривания крестьянства, принятия многих немецких культурных влияний. Меллин описывает изменения, произошедшие на его глазах: «Когда в 1820 г. я после долгого отсутствия вновь вернулся на мою настоящую родину, на

³⁸ См. M. Hellmann. Ein bayerischer Diplomat als Geschichtsschreiber Livlands. München, 1978.

³⁹ Собственноручная рукопись, озаглавленная «Bemerkungen zum Essai critique sur l'Histoire de la Livonie par le Comte de Brai von л. А. Mellin 1822 am 14. April 1822 an den Grafen de Brai nach St. Petersburg gesandt» находится в Государственном историческом архиве Латвии. LVVA ф. 4038, оп. 2, д. 274.

⁴⁰ Этот чистовой вариант, переписанный чужим почерком, позже попал в Архив лифляндского рыцарства. (LVVA ф. 214, оп. 6, s. 287) Обе версии рукописи во многом перекликаются, но все же не полностью идентичны.

⁴¹ LVVA ф. 214, оп. 6, д. 287, л. 63.

⁴² «Я сочинил много музыки для театра как в Петербурге, так и в Риге и Таллинне, в числе прочих и музыку для клуба женщин-якобинок «Котцебу». Своего имени я при этих работах никогда не называл. Я очень часто сочинял музыку к небольшим стихотворениям и по другим поводам в кругу друзей». LAB, Ms. 458 (Selbstbiographie von л. А. Graf Mellin), л. 110.

Таллинскую землю, то заметил, что на мызах в окрестностях Хаапсалу во время традиционных народных праздников – Янова дня или толоки, – к моему большому сожалению, волянка и народные танцы вышли из моды.

Вместо них играли на скрипках и танцевали по немецкому обычаю вальс и особенно среди женщин было очень много таких, которые кружились в вальсе с особой грацией». ⁴³ Переживания Меллина по поводу будущего народной культуры звучат вполне современно: «Эти национальные музыкальные инструменты, музыка и танцы в некоторых местах уже прекратили свое существование; мода заменила их немецкой скрипкой, другими танцами и песнями, похоже, что все национальное вскоре полностью может исчезнуть. А многие старые традиции стоило бы сохранить. Пусть все новое всегда идет только на пользу этому доброму, сильному народу...» ⁴⁴. То же замечал Меллин и в одежде эстонцев, которая все больше копировала немецкую. ⁴⁵

В братской общине (гернгутеров), возникновению которой способствовало религиозное пробуждение эпохи Реставрации, Меллин, по сути не враждебный к религии, видел опасный для крестьянской культуры фактор: «Все набирающее силу гернгутерство отрицает всяческую радость. Музыка, песня и танец исчезли, а их место заступило тупое самоуглубленное размышление (*dumpfes Hinbrüten*), презрение ко всем, кто не входит в их число. Они поют только духовные песни». ⁴⁶

В отношении к гернгутерству Меллин был солидарен с такими священниками-рационалистами Лифляндии как Отто Вильгельм Мазинг, Йоханн Хейнрих Розенплентер и Карл Готтлоб Зоннтаг, вступившими с гернгутерами в открытый конфликт и видевшими в повышенной активности братства опасность для народного просвещения. ⁴⁷ Это движение очень неприятно коснулось и самого Меллина: в 1814 г. по инициативе его зятя Херманна фон Ройтерна мыза Бирини стала местом сборищ экстатических сектантов. Находившегося в Риге Меллина проинформировали об этом лишь тогда, когда во время молений на его мызе у «пробудившихся» начались галлюцинации и события стали развиваться так, что пришлось вмешаться властям. ⁴⁸

Поэтому неудивительно, что Меллин в своих заметках характеризует гернгутеров в основном негативно. Он указывает, что крестьяне-гернгутеры «выделяются своей нравственностью и порядочностью» ⁴⁹, но его пугает высокомерие и нетерпимость этой секты после манифеста императора Александра I 1817 г. В качестве одного «очень тягостного примера» он упоминает агитацию гернгутеров против просветительских произведений О. В. Мазинга, который «при этом жертвовал свое состояние». ⁵⁰ Меллин считает эту религиозную секту лицемерной, опасной для государства и уверен, что именно гернгутеры сыграли руководящую роль во многих крестьянских волнениях: «После того, как в 1783 г. была установлена подушная подать, в 1802 г.

⁴³ LVVA ф. 4038, оп. 2, д. 274, л. 12–13.

⁴⁴ LVVA ф. 4038, оп. 2, д. 274, л. 14.

⁴⁵ «Одежда эстонцев иногда все больше приближается к немецкой. В основном это касается женщин, особенно тех, кто служит на мызах и в городах. Действительно прекрасную одежду девушек, украшенную их венками (*Perg*) и множеством цветов, перьями и легкими пестрыми шелковыми лентами, их короткие тонко вышитые блузки, украшенные вышивками черные юбки и широкие пояса, очень красиво подчеркивающие стройную талию, изредко можно еще увидеть в отдаленных местах. Вместо них является полунемецкая, а зачастую и совершенно немецкая одежда». – Там же, л. 15.

⁴⁶ Там же, л. 11.

⁴⁷ См. R. Põldmäe. *Ratsionalistide vastuolusid vennastekoguduse ja selle kirjandusega*. – R. Põldmäe. *Kultuuriloolisi vahelugemisi*. Tallinn, 1979, lk. 23–66.

⁴⁸ См. J. Eckardt. *Eine livländische Spukgeschichte von 1814*. – J. Eckardt. *Russische und baltische Characterbilder aus Geschichte und Literatur*. Leipzig, 1876, s. 436–457; A. Buchholtz. *Die Krüdener-Blau'sche Betgesellschaft in Riga und ein Ausbruch religiöser Verrücktheit in Kolzen*. – *Baltische Monatsschrift* 1898, s. 29–50, 96–120. Обе статьи основываются на собранных Меллином документах об этих событиях: LVVA ф. 6810, оп. 1, д. 108.

⁴⁹ LVVA ф. 214, оп. 6, д. 287, л. 52.

⁵⁰ LVVA ф. 214, оп. 6, д. 287, л. 56; см. также л. 66.

определены натуральные подати (die Natural-Abgabe) и в 1804 г. введено новое крестьянское право и произошли народные восстания, вдохновителями, душой которых были гернгутеры. Они собирались в своих молельнях, где совещались за закрытыми дверями. Все предложения лишь усиливали их строптивость, пока, наконец, не пришлось прийти войскам и даже однажды по ним выстрелить из пушки. Они разошлись, но все-таки не выдали своих главарей». ⁵¹

Меллин не раз полемизировал с пренебрежительными оценками де Брея по поводу способностей прибалтийских народов. Типичный аргумент, которым пользовался лишенный особых предрассудков баварский дипломат, – что у эстонцев отсутствуют слова, выражающие абстрактные и прочие возвышенные понятия, как, например, «благодарность» и «свобода». ⁵² Меллин оспаривает некоторые подобные места в произведениях де Брея, приводит примеры соответствующих слов в эстонском языке и утверждает, опираясь на собственный опыт, что эстонские крестьяне в состоянии вести себя очень великодушно. ⁵³ Он добавляет, что из одностороннего и пренебрежительного вывода о бедности эстонского и латышского языков балтийские немцы с радостью выводят тезис об общей духовной неполноценности эстонцев и латышей: «Когда урожденные лифляндцы и эстляндцы отрицают наличие подобных понятий у народа, они просто хотят игнорировать эти понятия у исконных народов, чтобы заключить, что с такими людьми следует обращаться как со скотом. Я раньше часто

слышал подобные высказывания, но теперь уже нет, поскольку отчасти думать стали иначе или стыдятся громко высказывать такие мнения». ⁵⁴

Меллин утверждает также, что ужасающее социально-экономическое положение эстонцев и латышей и не может создать условий для развития их способностей: «Наши исконные народы слишком прикованы к своей земле. Все его [народа – *И. Ю.*] духовные и физические силы принадлежат его господину, за что он зачастую еще и получает пинки и платят ему плохо. Поэтому крестьянин скорее спрячет свой талант или будет использовать его как можно хуже». ⁵⁵

Эту полемику Меллин вел до конца своей жизни. Еще 20 февраля 1835 г., за несколько недель до смерти, он посылает в редакцию «*Rigaische Stadtblätter*» статью, в которой яростно спорит с раздражающим его и, видимо, очень распространенным утверждением, что эстонцы и латыши неблагодарны и не способны на благородные мысли и поступки. ⁵⁶ Видимо, мысли старого графа-гуманиста были неприемлемы и для остзейского общества эпохи бидермайера, поскольку его статья так и не была опубликована в рижской газете.

В заключение можно сказать, что отношения Меллина с эстонскими и латышскими крестьянами основывались на патриархальных, доброжелательных семейных традициях и прежде всего на просветительском либеральном гуманизме; среди современников Меллин выделяется и своим особым интересом и симпатией к национальному характеру и народной культуре эстонцев.

⁵¹ LVVA ф. 214, оп. 6, д. 287, л. 53. Братскую общину обвиняли в подстрекательстве к крестьянским восстаниям многие современники, но при ближайшем рассмотрении, как правило, достаточных доказательств не находилось. См. G. Philipp. Die Wirksamkeit der Herrnhuter Brüdergemeine unter den Esten und Letten zur Zeit der Bauerbefreiung (Vom Ausgang des 18. bis über die Mitte des 19. Jhs.). Köln, Wien, 1974, s. 254–257.

⁵² F. G. de Bray. Essai critique sur l'histoire de la Livonie suivi d'un tableau de l'état actuel de cette province. T. 1. Dorpat, 1817, p. 56.

⁵³ «Мне известно очень много примеров благородства наших исконных народов (unserer Nationalen), свидетелем которых был я сам. Если автору «*Essai critique*» будет от этого польза, я мог бы предложить достаточное количество их. Вообще крестьяне недоверчивы и замкнуты, и кто мог бы их за это упрекнуть? Если же они пришли к убеждению, что с ними обращаются верно и честно, они полны доверия, открыты и общаются с ними очень приятно. Я утверждаю это на основании собственного опыта, и многие со мной согласятся». – LVVA ф. 4038, оп. 2, д. 274, л. 17.

⁵⁴ Там же, л. 4.

⁵⁵ Там же, л. 4–5.

⁵⁶ См. Приложения.

Письмо Людвиг Августа фон Меллина Курляндскому обществу литературы и искусства.

Бирини, 25 июня 1822.⁵⁷

Присланный мне литературным обществом второй том «Анналов» я получил и с большим интересом прочел этот очень ценный для меня подарок, причем многие статьи привлекли меня особенно. Мнения по поводу онемечивания наших латышей имеют обоснования «за» и «против». Я также должен признать себя противником всего того, что может способствовать отторжению латышского языка.

Я за то, что ни один язык нельзя уничтожить ради того, чтобы властвующей части [общества – *И. Ю.*] было удобнее, как принято говорить, развивать и облагораживать подвластных. Каждый народ и его язык когда-то были незрелы, а затем развились. К языку и своеобразию каждого народа я отношусь с большим уважением, если в нем нет ничего явно вредного.

Возможно ли и желательно ли устанавливать единообразие народов? (*eine Uniformität einzuführen*). – Это, видимо, противоречит природе. Даже в отдельных семьях видно, насколько различны братья и сестры, но при всех своих различиях каждый может быть очень достойным.

Что подвластные должны перенять язык властвующих, поначалу лишь как язык делопроизводства – мысль эта не нова, я слышал ее неоднократно. Для этого следует четким приказом установить срок *a quo*: человек под принуждением всегда добивается большего, чем можно ждать от его доброй воли.

В общем я бы желал, чтобы все заявления об уничтожении языка, каковые могут и для нас иметь последствия, лучше не высказывались бы вовсе. В эпоху Александра нет причин для беспокойства. Его великий дух почитает все народы и языки. Он первый член Императорского Библейского общества, под его мощной защитой Библия переводится на все языки его великого государства, с затратами или без ее распространяют по малой цене. Он создал немецкий университет. Для языков латышей и эстов созданы отдельные кафедры. В нижних инстанциях новых крестьянских департаментов делопроизводство ведется на народном языке, а в верховных инстанциях на немецком языке, так же как в других ведомствах нашей страны дела, которые поступают в Сенат, ведутся опять-таки на русском языке. Если подвластная часть должна непременно перенимать язык властителей, то гораздо разумнее было бы, чтобы латыши переняли русский язык, который состоит с их языком в родстве. Русские власти сильно способствуют изучению иностранных языков, полезному для духа и знаний, и много лет назад издан указ о том, что русские должны изучать забытый немецкий язык, иначе им не попасть на государственную службу. Наши латыши тоже могут изучать чужие языки, как это многие делают уже сейчас, не пренебрегая при этом своим языком, который следует скорее обогащать и облагораживать при помощи полученных знаний.

Я знаю некоторых онемеченных или желающих онемечиться латышей, которые считают

⁵⁷ Оригинал письма в архиве Курляндского общества литературы и искусства (LVVA ф. 5759) не сохранился. Одна его копия находится в Гессенском государственном архиве в Марбурге, ф. 702 (Livländische Ritterschaft, Familienarchiv Mellin), д. 70, №. 89; вторая – в Риге (LAB, Ms. 378, л. 53–60).

себя благодаря этому поднявшимися выше своих братьев. Они лишь увеличивают число так называемых малых немцев (Kleindeutsche), тот (за некоторыми исключениями) испорченный класс людей, полных презрения и претензий к не-немцам. К нашим кормильцам – крестьянам – следует относиться с подобающим достоинством и уважением, тогда они и сами станут себя уважать и не захотят больше становиться немцами. Тогда никому, говорящему по-немецки, не придет в голову относиться к латышам с презрением потому, что они латыши и говорят по-латышски. В других странах, например, во Франции и Англии, говорящие по-немецки не имеют даже и мысли считать эти народы ниже себя из-за того, что они французы или англичане и говорят на своем языке. А разве наш народ и, прежде всего, язык не добился бы уважения, если бы мы прекратили так недооценивать наших кормильцев? И правда, онемечивание не принесет народу никакой пользы, если его при этом хотят всегда держать за латыша (wenn man es dabey immer auch auf lettich behandeln will).

Онемеченных латышей я воспринимаю как преклоняющихся перед высокомерием французов офранцузившихся немцев, которые считают себя благодаря этому лучше и пытаются еще и по-немецки говорить плохо, уверяя, что этот плоский язык не в состоянии охватить и выразить обилие их мыслей, тонких чувств их души. Такие высказывания я не раз слышал в те времена, когда чувствительность была в моде и являлась признаком хорошего тона. При этом никто не отрицает пользы владения языками.

Следует уважать все языки, даже если язык делопроизводства другой, поскольку зачастую иначе невозможно. Венграми правят немцы, а языком их ведомств с древнейших времен является латинский. У нас для этого служит немецкий язык, а с многочисленными дикими народами (hohen Völkern) этого огромного государства власти должны говорить русским языком.

Если подвластные должны будут сменить свой язык на язык властителей, то какую это вызовет неразбериху, особенно в случае частой смены властей, которыми так богата наша эпоха. При этом латышам пришлось бы сначала сменить свой язык на нижненемецкий (а в делопроизводстве – на латынь), затем – на польский, затем – на шведский, а теперь и на русский язык.

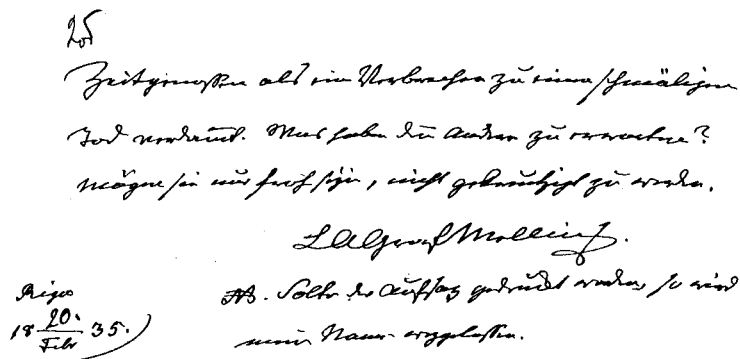
Греки переняли свою культуру у египтян, римляне – у греков, германцы – у римлян, а другие народы – у германцев. Но каждый народ сохранил свой язык и придал ему цену своей культурой, или же возник смешанный язык, как, например, испанский или французский.

Наши латыши могут на своем языке изучить все, что им нужно как крестьянам или ремесленникам, а если их литература будет развиваться так и дальше, то и они смогут все больше читать на своем языке экономические и все прочие произведения, не боясь поначалу быть затопленными литературой. Если кто-то испытывает желание подняться на более высокие уровни культуры, он так же выучит нужные языки, как другим народам приходится учить для этого латинский, греческий или древнееврейский язык. Я сам знаю латышей, но еще лучше – эстонцев, которые преодолели все препятствия и собственными силами поднялись выше своего сословия. Как только будет больше рук, чем требуется для необходимых хозяйственных работ, наши аборигены тоже возьмут перо и заполнят книжные ярмарки порождениями своего духа.

То, что говорится о латышах, касается и эстонцев. Их язык (и мой родной язык) – это древний племенной язык (eine Stamm- und Ursprache), сильный и изобильный, способный к большому развитию, в котором уже многое успешно сделано. Доказательством тому – высоко оцененный знатоками монументальный перевод Библии, с трудом переводимой на другие языки, а также богатство и одухотворенность (die Fülle und Salbung) многих их церковных песнопений.

Итак, пусть латыш остается латышом, а эстонец – эстонцем. Каждый пусть обогащается по-своему и не надо делать его двуполом (werde in kein Zwitter umgeschaffen).

Статья Меллина, не опубликованная в «Rigaische Stadtblätter»⁵⁸

Образец почерка Меллина из его статьи, написанной за несколько недель до смерти.

Городской газете для использования по усмотрению.

Если эта статья будет использована, господин издатель может вычеркивать и изменять, что хочет.

В одном обществе развивали утверждение: «Наши исконные жители неблагодарны, бессердечны и неспособны на благородные чувства и поступки». Отсюда делался вывод, что эти люди, будучи крепостными, были бы намного счастливее в бедности и невежестве, тогда ими было бы легче управлять, и они были бы более работающими и порядочными, в то время как знания внушают им только бесполезные мечтания. Они, якобы, божественным предназначением созданы только для работы, поэтому они должны нести всякое бремя и переносить трудности (alle Onera und Incommoda tragen), а привилегии (Commoda) имеют не платящие подати дворяне.* Этот принцип называют патриотизмом, он формирует дворянские привилегии и права, которые предки завоевали своей кровью.

Иные недоросли (Strohjuncker) почитали себя высшими существами, поскольку перед их именами стояло унаследованное или купленное «фон», находили вышеприведенные утверждения совершенно обоснованными, и унижение своих кормильцев лило бальзам на их пустые души. На основе отдельных примеров и случаев делались заключения о целом народе. Говорилось, что необходимо почтение и нужно требовать, чтобы крестьянин, завидев господина или мызу, заламывал шапку и лобызал на коленях протянутую господином руку.

Известно пренебрежение мелких немцев, по большей части испорченного класса людей, к нашим исконным народам (Nationalen). Некоторые даже думают, что как только наденешь немецкую одежду, имеешь право на невежливость. Но слава Богу! Наступило время, когда эти люди подчиняются крестьянским учреждениям (unter den Bauer Behörden stehen) и их недобросовестность заглушается ударами палки.

Все это вызывает огорчение. В изданном А.Трухартом в 1806 г. сочинении «Fama für Deutsch-

⁵⁸ LVVA ф. 4038, оп. 2, д. 151, л. 1–2.

* Дворянин и благородство (Adel und Edel) не синонимы. Последнее есть у людей всех классов, оно не наследуется и не продается. Какое же сословие создано для праздности? Каждый должен найти подходящую деятельность и приносить пользу.

Russland» есть много примеров благородства наших исконных жителей. Если не полениться и посмотреть внимательно и беспристрастно, можно собрать немало материалов о наших исконных жителях, чтобы написать книгу, такую же интересную, как книга мадам де Жанлис «Annales de la Vertu» о похвальных деяниях ее соотечественников.

Опыт показывает, что в поместьях, особенно если они долго принадлежали одной семье и где с крестьянами обращаются хорошо, царит патриархальный дух, господа и крестьяне считают себя одной большой семьей, живут в единокровии, народ там образованный и испытывает к своим господам большую любовь и благодарность.

Если вернуться к истории и посмотреть, как все было направлено на то, чтобы уничтожить и задушить благородные чувства исконных жителей и превратить их только во вьючных животных, то невольно возникает вопрос, откуда взяться благодарности, любви, благородству? За что они должны благодарить? За что они должны любить? За выпивку в кабаке? Скорее следует удивляться, что еще сохраняются ростки добродетели, которые тихо прорастают. Об этом свидетельствуют трогательные примеры, которые, однако, остаются такими же незамеченными, как и вся жизнь народа, в которой с удовольствием замечают лишь дурные стороны, чтобы истолковывать их на основании вышеописанных принципов.

Возникает вопрос, в каком народном классе меньше всего неблагодарности, черствости и т.п. Так называемый образованный человек подвержен греху лакировки; зато необразованный человек обычно показывает себя таким, какой он есть, или ищет спасения в хитрости. Почему у презренных аборигенов так старательно подчеркивается недостаток добродетелей, к которому с таким пониманием относятся в случае образованных людей?

Поскольку дела наших исконных жителей, благодаря нашим дворянам, пошли лучше, то у народа прибавится морали и образования. Но для этого нужно время, потому что то, что портилось на протяжении многих веков, невозможно разом исправить.

Эти принципы многие годы вызвали острые дебаты среди дворян и благородных (zwischen Adel und Edeln). Но тем, кто стремится к чему-то хорошему, как правило, приходится сражаться со своими современниками. Лишь потомки признают правоту таких людей и часто ставят им памятники. Так всегда было и так есть. Ведь и Спаситель наш был приговорен своими современниками к позорной казни. Чего же ждать другим? Они могут радоваться, что их не распяли.

Л. А. граф Меллин
Рига, 20 февраля 1835 г.

NB. Если эта статья будет напечатана, мое имя упоминать не надо.

Индрек Юрьо

1956

Доктор исторических наук (2005).

Заведующий отделом публикаций Государственного архива.

Область исследований: история культуры XVIII века, деятельность КГБ в Советской Эстонии.

indrek.jyrjo@ra.ee